

ЖЕНЩИНА, ХРАНЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

На лицо косметику кладешь,
Подбираешь к цвету глаз косынки.
У годов себя не украдешь.
Зря ты прячешь добрые морщинки.

Возраст искажает красоту,
Выражает жизненную долю.
Но за верность и за доброту
Красота спасается любовью.

Я не доверяю зеркалам.
Разве нам с тобой давно за сорок?
Сердцем понимаю по глазам,
Как спустя года тебе я дорог.

Нет вернее немудреных слов,
Чтобы быть любимой и счастливой:
«Женщина, хранящая любовь,
Никогда не станет некрасивой».

В жизни хотелось мне счастья простого:
Дивной любимой, медового слова,
Крепкого дома, дружной семьи
И избежать безнадежной сумы.

Вроде бы все получилось, как надо.
Старость приходит ко мне, как награда
За добросовестный труд и терпенье.
Только ведь старость не стихотворенье.

В ритм не вгонишь и не зарифмуешь,
Буйно, как юность свою, не полюбишь.
Сколько осталось, немного иль много –
Не угадаешь, не спросишь у Бога.

Ночью садится она к изголовью.
Как, мол, твой сон? Отвечает здоровью?
Все вспоминается: зло и любовь...
Время ты время – коварная хворь.

Когда бы слезы матерей
Собрать в земной юдоли,
Тогда бы глубже всех морей
Разлилось море «Горе».

За ним, среди высоких гор,
Под стражей вышней власти
Из всех наплаканных озер
Сияло «Слезы счастья».

А за долиной «Горьких бед»
С рекой небесной «Скатерть»
Всех матерей бесчисленных лет
Встречала Божья Матерь.

МОЛИТВА МОНОМАХА

Денек, одетый в белую рубаху,
Под гусли солнца пел о синеве.
У памятника князю Мономаху
Я приютился нотой на скамье.

Колокола Успенского собора
Не нарушали главной темы дня.
Земля и небеса, друг другу вторя,
Благих звучаний ждали от меня.

И я запел, не вслух – душой, как птаха
В стремленье песней взмыть за облака.
Мне бронзовой улыбкой Мономаха
Вдруг улыбнулись древние века.

Вдруг в княжеских руках раскрылась книга.
Затрепетало солнце, как свеча,
Лучом коснувшись вспрянувшего лика.
И голос Мономаха зазвучал:

«Премудрости наставник и податель
Благого смысла, научи пути,
Дай нищему спасение от знати,
И в разуме мне сердце утверди.

Даруй моим устам познание слова,
Не запрещай, упав, взывать к Тебе.
Всемилоостивый, дай надежду крова
Господнего мне – падшему – в мольбе.

Помилуй, Боже, за дела земные!
Суди, не осудив на ад за грех.
Поверь молитвам пресвятой Марии,
И ангелов, и мучеников всех».

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Пионерскими пилотками
Машет мне двадцатый век.
Я отвержен одноклассниками,
Как советский имярек.

На ногах в пучину сверженных
Износилась в прах кирза.
Поколение отверженных
Отвергает всех и вся.

Начубайсили правители,
Нагайдали, да так,
Что народ в родной обители
Совесть спрятал на чердак.

Закатали ниже плинтуса
Все, что правдою звалось.
Вектор западного вируса
Изменил земную ось.

Ни высокого горения,
Ни разящих подлость жал
В поколении забвения,
Молчаливых выживал.

Машут красными пилотками.
Мол, воспитаны мы так.
Я отвержен одногодками.
Предан, продан за пятак.

ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР

Я ночью сочинял стихи
В осеннем солнечном саду.
И были рифмы так тихи,
Что сомневался – не найду.

Но как опавшая листва,
Они нахлынули с берез.
И шепот каждого листа
Усиливал реальность грез.

Кружился сад, кружился мир,
Кружилась пьяно голова,
Лились мелодии в эфир,
Сплетались нотные слова

В узоры радужных стихов,
Как в гимны дивных королевств,
Как в лебедей из рукавов...
И был я человек-оркестр.

Но в безъязыких простынях
Проснулся я и, теребя
Ткань памяти, стихи из сна
Пытался вспомнить, как себя.

Все тщетно. Все не то, не так.
И тем поэзия права,
Что в сущности большой пустяк –
Произнесенные слова.

Что вот – слов нет, а мир вокруг
Стоит у чуда на краю.
В нем самый маленький паук
Плетет поэзию свою.

Не потрясет благих основ
Живой поэзии беда,
Что ты красивых слов из снов
Не можешь вспомнить иногда.

РУССКИЕ МЕДВЕДИ

Отец и мама неизвестны
В родном краю, родной земле
Их мытарства не интересны,
До них есть дело только мне.

Так в вековой дремучей чаше
С медведицей живет медведь.
И космос лунный глаз тарашит,
Дивясь на их земную клеть.

Резонно – жизнь прожить медведем,
Заслушиваясь пеньем птиц.
И между светом – тем и этим –
Не ведать призрачных границ.

Жить по душе – инстинкт народа.
Не в тягость всякому, а в сласть.
Его творец – сама природа,
А не какая-то там власть.

С инстинктом тем плевать на славу –
Как дар от царских холуев,
Что в полеченье за державу
Народ оставят без штанов.

К тому же, на подлунном свете
Во всех краях, во все века
Природе любые медведи
На свет родятся вне греха.

БЕРЕЗОВЫЙ ЛИСТ

С березы лист за шиворот прибился,
По шее пробежал, как муравей,
Слетел и к пояснице примостился,
Припомнив попечение ветвей.

Но я о нем забыл, вертясь в капкане
На пару с серым трудовым деньком.
А ночью лист упал, как подаянье,
К моим ногам – засохшим мотыльком.

Мы нищи все в назойливых заботах
Улучшить жизнь и обустроить мир.
И в каменных, и в деревянных сотах
Не удержать нам счастья эликсир.

И, может быть, из всех дневных событий
Всего одно не назовешь трухой:
С березы лист упал, как победитель
Над тщетной человеческой суетой.

Октябрь за калиткой, но в саду
Я собираю позднюю малину
В надежде разогнать тоску-кручину,
Заладившую свой мотив в дуду.

Был ночью дождь, и ветер бушевал
От злобы, что еще упрямы листья,
И за окном рябиновые кисти,
Как хищник обезумевший, трепал.

И в жизни человека точно так.
Пока ты полон сил и – в дружной кроне,
Тебя природа холодом не тронет,
Смеяться над невзгодами мастак.

А грянет осень, старости сестра,
Приходит чувство отчужденья ветки,
И как бы не храбрился ты, что крепкий
Еще душой и телом, – жди костра.

Живой я, не хочу сгореть дотла!
Летит мне в горсть созревшая малина.
Ее красе завидует рябина.
Жаль ягода, хоть и красна, кисла.

С утра я разговаривал с деревьями;
Что лето за собой сожгло мосты
И, как жар-птица, золотыми перьями
Обсыпало их кроны с высоты;

Что рано – за неделю до Покрова –
Засеменил нетерпеливый снег;
Но теплый ветер выговорил слово,
Причудливое слово-оберег;

Что дружный молодняк попрос за лето,
Чему и я по-человечьи рад;
Хватает влаги, солнечного света;
А по ночам искрится звездопад;

Одна лишь худосочная березка
Не очень подросла меж двух берез.
У каждой ствол так ветками расплескан, –
Как вынырнешь тут на небесный плес?

А нужно жить...
Деревья, пусть же снится
Вам и другим в заснеженных краях
И золотое лето, как жар-птица,
И солнечное счастье на ветвях.

Зачем я пришел в этот дом деревянный,
Прибитый к Елабуге ржавым гвоздем
На горке у Камы, где черт окаянный
Из белого камня построил свой дом?

По улочкам тихим гулял бы да слушал,
О чем говорят, повстречавшись, века,
Каким просветленным елабужским душам
Подобны плывущие вдаль облака.

А здесь, где на окнах белы занавески,
Но скрип половиц умерщвлен на гвоздях,
Я выгляжу праздным туристом – смоленским, –
Как, впрочем, мы все у музеев в гостях.

Я много уж лет убегаю от клетки,
Стесняющей душу, я продал свой дом,
В котором мой свет смертью сына пометил
В созвездьях людей неземной астроном.

Нельзя, чтобы прошлое сплющенной пулей
Застряло у сердца, а коль уж пришлось
Столкнуться со смертью в ее карауле,
То пусть будет черная рана насквозь.

Пусть будет, как это случилось с Мариной.
Прохожий зайдет, молча снимет с гвоздя,
Прикроет лицо мертвеца мешковиной
И взгляда не бросит назад, уходя.

Пусть будет навеки условной могила,
И пусть отпевают священники вслед,
Как будто у слова – загробная сила,
Как будто запрета духовного нет.

Когда бы ты знала, Марина! Марина,
В расцвете погиб, как и твой, мой сынок.
Нам собственной смертью не выкупить сына
У той, что за каждым приходит в свой срок.

Бессмертных людей не бывает на свете.
Все сроки всегда и для всех коротки.
Равны перед смертью поэты и дети.
Бывают бессмертными только стихи.

Когда убиты тысячи – следует горько плакать.
Победа означает погребальный обряд.

Лао-цзы. Из трактата «Дао Дэ Цзин»

И повод для слова находится веский,
И вывертов нет никаких, –
Друзья сочиняют стихи о Смоленске
И музыку пишут на них.

В стихах вырастает стена-ожерелье
Княжны величавой Руси,
Над нею парят гамаюновы перья,
Как радуга после грозы.

С небес ниспадает мерцающий свиток,
А в нем – имена, имена.
И каждое, как драгоценнейший слиток,
Бесценно на все времена.

И я тебя пел, восхваляя, мой город,
Мой воин, мой великоросс.
Но странное чувство навевал холод
Из прошлого, смутюю рос.

Я думаю с болью, как Польша с Московию
Сражалась за стены твои,
Что камни, как губка, пропитаны кровью,
Мой город любви на крови.

Французы и немцы, а впрочем, о чем я?
Солдаты великих держав
Вонзали в твой облик смертельные копыя,
От страха расплаты дрожа.

Как слава земная, стена крепостная
Победно стоит на костях.
И знамя Победы, великое знамя
Мы держим в кровавых руках.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Тяжела моя ноша, как будто родные могилы,
Словно короб наследный, по жизни несущий за спиной.
Я не знаю, зачем мне даются небесные силы,
Для чего память сердца тревожно гудит над землей.

Большинству не известна родня до седьмого колена,
Будто каждый непомнящий – в мире непрошенный гость.
Где, когда мастерами навета ковалась измена?
Не ржавеет вколоченный в память беспамятства гвоздь.

Если вспыхнешь огнем, на груди разрывая рубаху,
Попытаешься вырваться сердцем из вражеских оков,
Будь готов угодить по доносу на царскую плаху,
И к забвению имени – в рабской стране – будь готов.

Разметались рода по печальным просторам Отчизны.
Зарастают по рощам погосты безгласой травой.
Это русское горе, отверженная правда жизни.
Ничего не поделать, хоть волком затравленно вой.

Тяжела моя ноша, как будто родные могилы,
Словно короб наследный, по жизни несу за спиной.
Я не знаю, зачем мне даются небесные силы,
Для чего память сердца набатно гудит над землей.

ВЕТЛА

Памяти Валерия Дударева

В своей страдальной стороне,
От льна когда-то синеокой,
И я душой тянусь к ветле,
Такой родной и одинокой.

Бродягой в поле у реки
Пришла из прошлого столетья.
Корнями спутались шаги
Всего лишь в шаге до бессмертья.

Из ниоткуда в никуда,
Минуя недра, сушу, море,
Тысячелетняя вода
Течет в мажоре и миноре.

И смотрит тихая ветла,
Клонясь ветвями, на теченье.
Добра не ведая и зла,
Свое находит отраженье.

Есть в душе у каждого колода,
На которой колется земля.
Недруг человеческого рода –
Подколодной зависти змея.

Не сгноить и топорами воли
В щепы не разбить колоду ту.
Не найти на свете худшей доли,
Если жалит – подлая – в пята.

Длинен список всей гадюшной свиты:
Подлость, ложь, предательство и лесть...
Только благодать духа и молитвы
Могут силы их преодолеть.

В гримасах смеха вздергивались усики,
Веселье било в лоб взрывной волной.
На кафедре военной однокурсники
С майором хохотали надо мной.

Над тем, что, в математике и физике
Пройдя со всеми высшие азы,
Я более склонялся все же к лирике,
По грани метафизики скользил.

А после сколько раз встречал надменное,
Смакующее непреложный факт:
«Так вы технарь! Энерго... непременно
Окончите для статуса филфак».

Поэзия, за все твои фантомы,
За дух единства, чуждый дележа,
За то, что не нужны тебе дипломы,
Которыми так люди дорожат,

За золотой заветный ключик мира,
В котором, жизнь познав как Колизей,
Моя «необразованная лира»
Слышна в кругу блистательных друзей,

За то, что не разлучит нас могила
(И на тот свет пойду я за тобой),
За то, что ты меня себе учила
(Какой ни есть, а ученик я – твой),

Благодарю.
А всем своим знакомым
И тем, кто спросит: «А учились как?», –
Я говорю: стихи – мои дипломы,
А жизнь – все нескончаемый филфак.

Немного нас, выживших с честью, родная,
В неравной бесправной борьбе,
Кто выстоял, Родину не проклиная,
И верным остался себе.

О чести и совести нет уж дебатов,
И ряской покрыт Интернет.
В империи, созданной для бюрократов,
Ни чести, ни совести нет.

Фанфарный пиар, сериальное мыло...
Что ждет нас? Не видно ни зги.
С экранов вожди улыбаются мило
И дикторы правят мозги.

А в церкви свечами людские надежды
стекают под ноги Христу.
Но самый-пресамый, виновный и грешный,
В Кремле зажигает звезду.

И свет ядовитый над бедной Россией –
Как власти земной ореол.
И, словно слетевший с плеча лжемессии,
Клокочет двуглавый орел.

Но мы еще живы, родная, мы вместе.
Жить – сложенным вдвое листом.
И крепость для совести, крепость для чести –
Любовь и семейный наш дом.

Не забывай, встречая ложь,
Отлитую в кулак,
В какое время ты живешь,
В какой стране и как.

Ведь украшением во ржи
Цветут лишь васильки,
А мы среди притворной лжи
Всего лишь сорняки.

Нас ангел соберет в букет.
В хрустальной вазе сна
Мы стоим сто тысяч лет
У райского окна.

Вновь будет Бог, минуя нас,
На лживый мир смотреть
И восхищаться всякий раз
Тем, кто посмел расцвести.

О чем сказать, кому сказать,
Но главное – зачем?
По алфавиту не скакать
В повторе вечных тем.

В ответ на правду – оболгут.
А лгать – себе во зло.
Салют грехов – тебе, о, плут!
А нам – молитвослов.

*Ирине Ладыженковой
Жанне Макаренко*

Труба оживала: «Фью-у-у...» –
флейтой над крышей.
Поскрипывал снег от невидимых ног.
Казалось, что небо морозное дышит.
Встревоженный, больше уснуть я не смог.

Гирляндами снега укрылись деревья,
Сияя пронзительно белым огнем.
Душа разрывалась от детского пенья,
На празднике в церкви звучавшего днем.

Девчушки, парящие в платьицах белых,
Их мамами сшитых как будто из роз,
Легко с вдохновением ангельским пели:
«...В хлеву в Вифлееме родился Христос...»

Был в церкви святой Иоанна Предтечи
Рождественский праздник, шла сказка о том,
Как елка, накинувши звезды на плечи,
Пришла со зверьями на встречу с Христом.

Всю ночь я продумал...

Не так уж и сера

Российская жизнь, а верней – не везде.

А если ослабнет в сомнениях вера,

Послушай, как дети поют о Христе.

Годы – пули, я давно не молод.
И немного стыдно самому, –
С поля боя я сбежал за город,
Схоронился в собственном дому.

Я устал от всех сражений века,
А под старость хочется пожить
Калготой простого человека –
По житейским прихотям души.

Но дрожит земля, дверные створки
Так стучат, как будто встали в ряд,
Окружая дом, лесные волки,
Как ни прячься, все равно съедят.

Что вам нужно, бешеные звери?
Вами управляет век-злодей.
Никогда не запираю я двери
От хороших, искренних людей.

И душа болит, и сердце саднит
От всеобщей злости и грехов.
Сколько пуль в безжалостной осаде
Получить осталось от врагов?